

ШУНЬ И ШУНЕЧКА

*Роман-инструкция
по пользованию Россией*

*Автор заранее просит прощения
у своих героев за неточности,
возникшие, помимо их воли,
при цитировании прямой речи*

УТРЕННИЙ ОБХОД

Камышовый кот Тарас обладал сторожевой душой. Она далась ему не вместе с рождением, а по несчастному случаю. Когда до звериной зрелости оставалось еще далеко, орел спикировал на котенка и выклевал ему глаз. Он бы еще и печенью не побрезговал, да только Тарас показал себя удалцем: молочными когтями разорвал хищной птице грудь, вывалил ей кишки. Котенок был патриотом своего озера, но ему требовалась неотложная медицинская помощь, потому он покинул мать с отцом и родные берега и, оставляя после себя кровавый след, пополз вглубь лесного материка — туда, где издавна пахло русским духом, в Егорьеву пустынь. Ее единственный двуногий обитатель со странной кличкой Шунь взял котенка на руки и залепил ему пустую глазницу водочной этикеткой «Последняя капля». Этикеточный Георгий Победоносец опереточно запрокидывал сосуд в бездонную глотку зеленого змия. Морды обоих персонажей выглядели отталкивающе. Потчuya котенка молоком через соску, Шунь заговаривал его по-доброму: «Пей до дна, пей до дна, чтобы хворость ушла... стань домашним животным... как стол мой — ни шагу не ступи со двора».

А Тарас, видать, действительно обладал примитивным средневековым сознанием: запомнил благодеяние и, подпрыгнув, дал клятву верности. Нужно ли говорить, что раньше котенка не звали никак. Так что он был обязан Шуню не только жизнью, но и именем. Что, согласитесь, почти одно и то же. «Будешь у меня Тарасом. Был у меня дружок такой — в Америку укатил. Вот ты у меня вместо него репатриантом и заживешь», — радовался Шунь прибавлению.

Егорьева эта пустынь давным-давно стала пустопорожним топонимом: восемь десятков лет назад добрались и сюда нелюди с поросячьими глазками, распахнутыми навстречу ярко-кровавому будущему. Первым делом они поставили рядом иконы у стен монастыря и расстреляли их из маузеров, метя в лики. Но в Смоленскую Божью Матерь попасть никак не могли, пули ложились в «молоко», вокруг нимба. Так что Богоматерь пришлось добивать штыком. В необъятных карманах своих кожанок нелюди нанесли порошу и обвалили стены процветавшего монастыря. Добротный кирпич ахнул порошком в небо, застилая бледное среднеполосное светило. Комиссар запрокинул голову, вспомнил солнечное затмение сквозь закопченное свечой детское стеклышко и сплюнул под сапоги. Комиссара звали Скубером — «с», возведенное в куб, плюс «р», отчего в сумме у него получался СССР.

Скубер помочился, именем пролетариата вбивая оседавшую пыль в мощный культурный слой. Редкие окрестные мужики закрывали под носилками с дармовым кирпичом, на глазах преображаясь в худосочных колхозников. С каждой порцией тяжести они все меньше уважали самих себя. Что уж там говорить про мужей государственных... Им чудилась чадающая трубами райская земля с закатанными в асфальт костями ископаемого человека. Монахи же рассеялись по этапам и весям.

Нелюди в кожанках никогда ничего не доделывали до конца, слово «перфекционизм» резало им слух. Они удовлетворились тем, что с озера не стало видно сияния куполов, им хватило того, что с дороги больше не слышался колокольный звон. Колокола, как водится, переплавили в пушки, а вот на монастырскую библиотеку принесенного пороха не хватило. Заявляться же сюда снова нелюдям было не с ноги — завтра их ожидали на очередном объекте. На сей раз им оказался многопудовый памятник царю-освободителю, который следовало переплавить в Ильича. К монастырским книгам марксомерзкого содержания нелюди рук не тянули. Разводить костер на гудящем ветру тоже не хотелось. Да и, в отличие от банальных рукописей, настоящие сброшюрованные книги горят неважно. Это каждый поджигатель знает, тем более если он состоит в ихней партии.

Вокруг монастыря высились первичные леса, дорогу найдет не каждый. Среди местных жителей он стал пользоваться дурной славой: несунув кирпича, а также непричастных в скором времени собирали в монастыре якобы на субботник и без долгих объяснений расстреляли. Трупы же побросали в вырытый старцем Егорием колодец. Монастырь стал считаться местом проклятым, оставшиеся в живых крестьяне обходили его стороной. Кроме того, даже само название Егорьева пустынь по мановению серпа исчезло с географических карт. Задача состояла в том, чтобы построить страну-сад. И при чем здесь какая-то худосочная пустынь?..

Вот так и случилось, что городской житель путь к монастырю позабыл напрочь, дорога к нему заросла. Благодаря всеобщему географическому кретинизму библиотека и сохранилась — в полностью укомплектованном виде. Все остальное было приведено в негодность. За исключением колодца, из которого чудесным образом исчезли трупы. То ли испарились, то ли растворились, то ли вознеслись. Разве узнаешь... Хотя в отчетах нелюдей вода в колодце числилась тухлой, на самом деле она осталась кристальной.

Тарас обладал сторожевой душой, каждое утро отправляясь с обходом. Его сюзерен, самопровозглашенный лендлорд Шунь, еще досматривал в бывшей монастырской библиотеке свои сладко-горькие сны, когда кот уже вылез из-под хозяйского одеяла. Шерсть у Тараса была отменной выделки, и спать он предпочитал на ветвях огромной раскидистой березы, росшей возле обрушенной стены. Но вот сам Шунь был городским мерзляком. Из чувства товарищества Тарас и делился с ним своим шерстяным теплом.

Тарас завершил завещанный предками ритуал умывания морды и расправил усы, полностью изготовившись к несению патрульной службы. Он предъявлял себя раннему свету боевым раскрасом — шерсть горела рыжее огня, только подушечки налитых мускулистым свинцом лап были испятнаны черными родимыми мушками. Собравшись в твердый мясистый комок и издав предпрыжковое «Мяу!», Тарас натянутой стрункой пролетел сквозь открытую настежь форточку и приземлился в густую траву. Испуганная лягушка совершила трассирующий отскок в сторону.

Единственному янтарному глазу Тараса открылась росистая красота колокольчиков и ромашек. За ними вставал корабельный лес, сквозь который сеялся исходивший с востока свет. Красоту Тарас понимал. Если бы только он умел выражаться по-людски, наверняка сложил бы какое-нибудь незамысловатое стихотворение, вроде хайку. Например:

Лес да лес кругом.
Пахнет мышами парными.
Утро в дозоре.

Но, понимая много, самовыразиться таким образом кот не умел. Своей бессловесностью он был похож на русский народ в его народническом понимании. Словом, кот был Шуню идеальным товарищем: все понимал и ничего при этом не говорил. От открывавшейся красоты Тарас просто урчал на ходу, что тоже дается не каждому. Настоящее было животное, хотя и домашнее.

Тарас мягко ступал заведенным маршрутом против часовой стрелки, временами останавливался, стряхивая с себя капли цветочно-травяного дождя. Подмокшая шерсть приобретала дополнительный блеск. Обрушенные стены оставались справа. Развалины обросли упорными карликовыми березками, они гнездились в межкирпичных расселинах и были поражены ботаническим рахитом — даже мастер бонсаи не сумел бы изуродовать стволы столь замысловато. Тарас любил растительный мир не только визуально. Особенно нравились ему сладкие шапочки клевера. Как фиолетовые, так и белые. Он ловко откусывал головки, которые приятно щекотали гортань и помогали выведению шлаков.

При виде Тараса взволнованные птицы заливисто голосили и разлетались по дальним веткам, перепуганные насмерть мыши по пути к норе перебежали росистую дорожку, получали свинцовой лапой по глупой башке и легко превращались в добычу. Не теряя времени на игру, Тарас с треском перемалывал мыша с потрохами — следовало спешить, до конца обхода оставалось еще немало шагов. На усах грозно подрагивали красные кровяные тельца. Маршрут нравился котяре — он ощущал себя здесь главным действующим героем. Улепетывать от него — таково было предназначение Тарасовой утренней фауны, поддерживавшей в коте комплекс полноценности.

Монахи когда-то лопатили монастырскую почву и окормляли ее навозом. Земля отвечала им тем же: картошкой, морковкой, капустой — далее по списку, включая оранжевые бананы. Потом культурная почва превратилась в дерн, армированный железной хваткой корешков. Худосочные яблочки не клонили ветви к земле, редкий самосевный горох и самородный раскидистый щавель не улучшали общей картины покинутого человеком ландшафта.

Так было до Шуниной поры. Придя сюда десять лет назад, он встал на землю твердой ногой сорок пятого размера и приступил к рекультивации. Сначала завел образцовый огород. Отдохнувшая земля рожала исправно: корнеплоды были дородными, правильной формы, хранились всю зиму. Мужики из деревни Зарайское заходили к Шуню за солеными огурцами и похмельным капустным рассолом. Начитавшись когда-то про странствия Миклухо-Маклая, Шунь решил сначала устанавливать с аборигенами дружеские отношения путем обмена прядями волос, но получил решительный отказ. «Мы тебе здесь не папуасы, мы себе здесь русские люди

— с широкой душой на широкую ногу живем», — таков был типичный отлуп. Шунь не нашелся с ответом и вернулся к отработанной веками схеме, где первым пунктом значился самогон.

В мае воздух мутнел — сливы и вишни покрывались белой пеленою, перелетные пчелы совершали свой медовый набег. Яблони опомнились от долгого сна, переплавляя почвенный сок в увесистые плоды. Сбежав от запойного хозяина, в монастырь сама собой прибрела корова Зорька. Забрела, да так и осталась. Потом во главе куриной стаи явился петух. Взлетев на замшелый могильный камень, он радужно засверкал перьями и издал победное «Кукареку!» — будто в землю обетованную свой гарем вывел. Он явно чувствовал, что место здесь было намоленное.

Обеспечив себя калориями, Шунь обратился в умственную сторону. Первым делом составил каталог монастырской библиотеки. Описывая фонды, почитывал и самого старца Егория: «Обитая на горах, яко птица небесная, поя и принося сладкие песни своему Творцу и Искупителю, он, отлученный ото всех и яко агнец возлюбленный Христов, да пасется и насыщается в веселии сердца благодатию Христовою. Воистину таковой не променяет своего пустынного пребывания на царские чертоги, ибо со многими удобствами созерцает он Царствие Небесное. И не пожелает злата и камней многоценных и бисера, потому что имеет в себе живущего пресвященного камня Христа. Да не будет ему упразднения от Бога». Монастырь стоял на высоком берегу озера, но гор Шунь все-таки не заметил. Старец Егорий обладал, безусловно, развитым чувством воображения. Шунь почувствовал в нем родственную душу.

В библиотечных книжках сохранились и многочисленные свидетельства совершенных Егорием чудес: пожар строгим взглядом потушил, засуху молитвой унял, слепой прозрел, хромым пустился в пляс. О дне своей смерти Егорий оповестил братию заранее, а когда пришел тот чистый четверг, молвил: «Се день приде», с боку на спину перевернулся, ноги вытянул и руки крестом сложил, тремя вздохами передав душу в руки Бога. Полностью передал, без остатка вознеся, избавив братию от похоронных хлопот. Читая про чудеса, Шунь проникался к старцу уважением, что помогало ему бороться с одиночеством.

Но когда каталог был готов, Шуня все равно одолевала тоска. Он стал мечтать о том, что когда-нибудь его станут навещать друзья, последователи, ученики, туристы и другие хорошие люди. Может, и сын когда явится. Мечтая, соорудил площадку для городков и лабиринт. Городкам он выучился еще в глубоком детстве и был первым игроком во дворе. Потом, правда, городки исчезли из нашего обихода — не входили в программу олимпиад, а властям были интересны победы только в войнах и на международной арене. Коммунисты-космополиты пренебрегли городками зря — как известно, в городки порядочно играли русские полководцы и вожди, как то: Суворов и Сталин, Ульянов-Ленин и Ворошилов. Самому же народу советской империи, похоже, не было интересно уже ничего. Застоявшийся в очередях и замученный скверной водкой, он терял витальность с каждым божьим днем, прожитым наедине с самим собой. Так получилось, что правила игры в городки подзабылись — их можно было узнать только от людей бывалых. Шуню это было обидно: ему не хотелось, чтобы традиция прервалась на нем.

А лабиринт... Шуню нравился девиз лабиринта во дворцах Гонзага: «Forse che sì, forse chi no». «Может, да, а может, и нет», — в этом чувствовалась вечная загадка, женское кокетство, надежда на удачу. Лабиринт Шуня был велик и неказист. Он представлял собой бревенчатое сооружение — концентрические круги с перегородками в соответствующих местах. В самой же середине находился сад камней совершенно не свойственной для евроцентристов эмблематики.

Тарас в корне отличался от подопытного животного, а потому с легкостью добежал по лабиринту до сада, хотя никакого съестного там припасено не было. Впрочем, что это за сад, если там не росло ни куста, ни плода... Так себе, прямоугольное пространство, засыпанное галькой с вросшими в нее камнями неуставной формы. Собственно говоря, это были не натуральные булыжники-валуны, а разбитые большевиками могильные плиты. За одним-единственным исключением, которое являл собой неподъемный метеорит с рваными рашпильными краями. Он упал волшебной августовской ночью уже в эпоху Шуня и, остывая, долго шипел. Избавиться от этого вросшего в землю космического монумента Шуню оказалось не под силу, так что оставшая композиция была выстроена под него. Что-то лежало, что-то стояло. У крошки сада расположилась скамеечка, сколоченная Шунем для закатной медитации. И это при том, что Егорий в свое время устраивал в монастыре настоящий Гефсиманский сад. В библиотеке даже хранился гербарий, собранный паломниками в самой Палестине. Но, похоже, пальмы и иные оранжевые диковинки вступили в противоречие — как с местным климатом, так и с местной историей...

Камни были разбросаны не просто так, а уложены с учетом философского смысла. Их насчитывалось ровно пятнадцать, но с любой точки периметра только четырнадцать мозолили глаз. Один из них оставался намертво скрыт каким-нибудь другим — свидетельство непознаваемости космической Истины. Нечего и говорить, что это был тот самый метеорит. Поэтому Шунь назвал сад камней «Небесным даром». В общем, Шунь устроил себе парадиз по-японски. Во всяком случае, он сам так думал.

Притомившийся за обходом, Тарас взял тайм-аут и прилег на плоский разогретый гранит в центре сада. Обычно для лучшего обзора он запрыгивал на бугорчатый метеорит, но сегодня, наверное, выдался совсем другой день. С этого теплого местечка в поле зрения Тараса попадали все камни без изъятия. Всем своим видом Тарас намекал, что, в отличие от сюзерена, мировоззренческие задачи даются ему легко. Вокруг него паслись куры —